

СТРАТЕГИИ СРЕДНИХ СТРАН В ОТНОШЕНИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ *ОПЫТ МАЛАЙЗИИ**

АЛЕКСАНДР КОРОЛЁВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Анализ внешнеполитических стратегий средних и великих держав традиционно считается одной из ключевых проблем исследования международных отношений. Период после окончания «холодной войны» характеризуется формированием новой политико-экономической архитектуры, возникновением новых центров силы, стремлением незападных игроков бросить вызов американскому доминированию, сформировав независимый полюс роста, исключая гегемонизм, асимметричную зависимость, санкции и любые другие формы экономической войны в качестве внешнеполитических инструментов. Нелинейность этих процессов в ещё большей степени актуализирует проблему изучения внешнеполитических стратегий в качестве ответа на глобальные вызовы современного мироустройства. В настоящей статье анализируются особенности внешнеполитического курса средних стран в отношении великих держав (США и Китая) на примере государств Юго-Восточной Азии, и в первую очередь Малайзии. С этой целью в работе выявляются особенности и ограничения концептуализаций базовых внешнеполитических стратегий, предлагаемых теоретическими школами структурного и неоклассического реализма, – балансирования, примыкания и хеджирования. Используя кейс Малайзии в качестве основы, автор выделяет основные факторы, влияющие на выработку внешнеполитического курса средних стран в отношении великих держав с точки зрения обеспечения национальной безопасности и максимизации экономической выгоды. В статье утверждается, что экономический прагматизм, мощная институциональная база двустороннего сотрудничества, а также стремление правящей элиты Малайзии укрепить свои позиции приводят к отказу Куала-Лумпура от политики балансирования против Пекина, несмотря на наличие территориального спора с Китаем, роста китайских амбиций, а также тесного военно-политического сотрудничества между Малайзией и США. Таким образом, данная статья оспаривает неореалистский подход Стивена Уолта, показывая, что географическая близость более слабого государства с крупной державой, обладающей значительными совокупными возможностями, может скорее стать ценным активом, чем источником угрозы. Наконец, в работе делается попытка построения новой типологии внешнеполитических стратегий, опираясь на инструментарий неоклассического реализма.

Ключевые слова:

средние страны; великие державы; Малайзия; США; Китай; балансирование; примыкание; хеджирование; опережающее экономическое вовлечение.

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

Для связи с автором / *Corresponding Author*
Email: askorolev@hse.ru

Анализ внешнеполитических стратегий средних и великих держав традиционно считается одной из ключевых проблем исследования международных отношений. Период после окончания «холодной войны» характеризуется формированием новой политико-экономической архитектуры, возникновением новых центров силы, стремлением незападных игроков бросить вызов американскому доминированию, сформировав независимый полюс роста, исключая гегемонизм, асимметричную зависимость, санкции и другие формы экономической войны в качестве внешнеполитических инструментов. Нелинейность этих процессов в ещё большей степени актуализирует проблему изучения внешнеполитических стратегий в качестве ответа на глобальные вызовы современного мироустройства. В настоящей статье анализируются особенности внешнеполитического курса средних стран в отношении великих держав (США и Китая) на примере государств Юго-Восточной Азии, и в первую очередь Малайзии.

Научная новизна статьи состоит в попытке дополнить уже имеющиеся подходы в рамках теории структурного и неоклассического реализма в контексте анализа особенностей внешнеполитической стратегии Малайзии применительно к проблеме обеспечения региональной безопасности, а также участия Куала-Лумпура в многосторонних экономических инициативах в АТР. Помимо этого, данная работа расширяет эмпирическую базу зарубежных и отечественных исследований внешней политики стран Юго-Восточной Азии, в том числе Малайзии. В частности, в статье делается акцент на факторах, которые способствуют укреплению двусторонних связей малых и средних стран Юго-Восточной Азии в отношении Китая или, напротив, могут привести к ослаблению межгосударственного сотрудничества.

1

Традиционно основное внимание представителей западной школы международных исследований при анализе межгосу-

дарственного взаимодействия уделялось проблемам обеспечения международной безопасности. Великие державы представляли в качестве основных объектов анализа, выступая гарантами сохранения баланса сил на международной арене и внося значительные изменения во внешнеполитическое поведение малых и средних государств. Под «средними» в зарубежной литературе принято понимать страны, которые не оказывают значительного влияния на развитие глобальных экономических и политических процессов, однако имеют или могут иметь прочные позиции в рамках своего региона [Ping 2005: 282]. Несмотря на их ограниченную роль, эти игроки выступали неотъемлемой частью «большой геостратегической игры», стремясь маневрировать между более крупными державами.

Одним из наиболее ярких представителей структурного реализма, который принял попытку операционализировать категорию «балансирования», стал американский политолог Кеннет Уолтц. Указывая на анархичный характер мировых политических процессов, он пришёл к выводу, что отсутствие легитимного источника верховной власти вынуждает страны прибегать именно к такого рода поведению [Waltz 1979: 251]. При этом он выделял два типа балансирования – внешнее (external balancing) и внутреннее (internal balancing). Первое означает, что государство балансирует против источника угрозы путём вступления в формальные или неформальные военно-политические объединения. Внутреннее балансирование, согласно Уолтцу, отражает стремление государства увеличить свою мощь путём модернизации военно-промышленного комплекса и мобилизации вооружённых сил с целью сохранения территориальной целостности и суверенитета.

Развивая идеи предшественника, Стивен Уолт предлагал рассмотреть балансирование сквозь призму «баланса угроз» [Walt 1985: 43]. По его мнению, эту стратегию можно охарактеризовать как политику великих держав по предотвращению внешней угрозы путём установления союзниче-

ских отношений с более слабым государством. При этом географическая близость, совокупная мощь, наступательные возможности, а также агрессивные намерения государства выступают у Уолта в качестве основных объяснительных переменных, подталкивающих великие державы проводить политику сдерживания в отношении развивающихся стран.

Стратегия примыкания (*bandwagoning*) стала предметом широкой исследовательской дискуссии. Кеннет Уолтц и Стивен Уолт утверждали, что примыкание выступает полной противоположностью политики балансирования [Waltz 1979: 251; Walt 1987: 336]. Если последняя присуща сильным государствам, то примыкание, по их мнению, наоборот, стратегия слабых стран, которые стремятся выстраивать союзнические отношения, приняв статус подчинённого, с целью избежать нападения со стороны более мощного государства, выступающего источником угрозы. В целом в рамках неореалистской логики в основе обоих вариантов политики лежит стремление стран обеспечить национальную безопасность.

Окончание «холодной войны» характеризовалось значительным ослаблением роли военной мощи в качестве инструмента достижения внешнеполитических целей. Как следствие, произошло резкое снижение конфликтного потенциала в первую очередь между великими державами. Новые условия: глобализация, растущая взаимозависимость стран, увеличение затрат на использование жёсткой силы — создавали запрос на исследование невоенных методов осуществления международной стратегии. В результате в теории международных отношений сформировалась альтернативная точка зрения на поведенческие механизмы средних стран, выдвинутая представителем неоклассического реализма Рэндаллом Швеллером.

Выражая принципиальное несогласие с подходами своих предшественников, ассоциировавших примыкание с формой дипломатической капитуляции, он разработал собственную концепцию [Schweller 1994: 37]. Р. Швеллер утверждает, что основная

цель примыкающих стран заключается не в предотвращении нападения со стороны великой державы, а в максимизации выгоды от сотрудничества с более сильным игроком. Он также демонстрирует, что наличие серьёзной внешней угрозы не является условием, необходимым для принятия средними странами стратегии примыкания.

Определение «примыкания» в качестве курса на максимизацию выигрыша широко используется экспертами, специализирующимися на внешней политике Китая. На примере стран Юго-Восточной Азии ряд исследователей (Дэвид Канг, Энн Мэри Мерфи, Роберт Росс) утверждают, что главной целью слабых государств выступает приобретение экономических, политических и дипломатических выгод от сотрудничества с Пекином с целью раскрытия их растущего потенциала [Kang 2006: 15; Murphy 2010: 27; Ross 2006: 40]. В этом отношении, как указывают эксперты, все страны Юго-Восточной Азии примыкают к КНР.

Несмотря на высокий уровень теоретической разработанности, существует ряд ограничений в операционализации понятий «балансирование» и «примыкание». Главным из них выступает необходимость выбора одной стороны (государства или альянса) ценой сворачивания сотрудничества с другими, что значительно ограничивает внешнеполитический маневр слабых стран. Во многом с целью заполнения теоретического пробела всё большее число специалистов прибегает к использованию понятия «хеджирование» в качестве объяснения поведения средних стран на международной арене. Они склонны рассматривать такую политику как среднюю позицию, подчёркивая готовность слабого государства максимизировать прибыль от отношений с крупными державами, сохраняя при этом широкое пространство для внешнеполитического маневра [Goh 2005: 82; Kang 2007: 296; Dobkowska 2014: 18; Chen and Yang 2013: 23; Zhao and Qi 2016: 14].

Отдельного внимания заслуживает взгляд на хеджирование видного представителя незападной школы неореализма Куик Чэн

Чуи. Он понимает его как политику, направленную на противодействие внешним вызовам посредством принятия противоположных стратегий в отношении двух или более конкурирующих держав [Kuik 2008: 26]. По сути, исследователь сводит воедино полярные точки зрения Уолта и Швеллера, рассматривая хеджирование как комплекс мер, параллельно уменьшающих риски (risk-contingency options) и максимизирующих прибыль (returns-maximizing options). К первой группе он относит такие компоненты этой стратегии, как отрицание легитимности доминирования крупных игроков (dominance denial) и не прямое балансирование (indirect balancing). Во вторую – Куик Чэн Чуи включает экономический прагматизм (economic pragmatism), экономическую диверсификацию (economic diversification) и ограниченное примыкание (limited bandwagoning) [Kuik 2008: 26].

Более того, проводя сравнительный анализ стратегий стран Юго-Восточной Азии, специалист вводит разграничение «тяжёлого» и «лёгкого» хеджирования (heavy hedging и light hedging) [Kuik 2010: 391]. Приводя в пример Сингапур, он описывает страны, прибегающие к первой разновидности стратегии, как в гораздо большей степени обеспокоенные растущей совокупной мощью и наступательными способностями великих держав. По этой причине они стремятся укреплять военно-политический диалог с третьими странами. Проверженцы лёгкого хеджирования, по мнению Куика, не уделяют такого большого внимания обеспечению безопасности, поскольку их опасения относительно могущественных соседей существенно ниже.

2

Вопреки многочисленным попыткам исследователей операционализировать и концептуализировать понятие «хеджирование», данный термин по-прежнему не получил глубокой теоретической проработки. В этой связи его позиционирование в качестве отдельного теоретического концепта, описывающего альтернативу стратегиям балансирования и примыкания в рамках

неореалистской парадигмы, не представляется возможным. *Во-первых*, в большинстве случаев хеджирование сводится лишь к изолированному анализу отдельных аспектов политики государства (диверсификация торгово-экономических, военно-политических и дипломатических связей). *Во-вторых*, зачастую оно дублирует по смыслу другие категории, используемые в неореализме.

Например, не прямое балансирование, по Куику, структурно совпадает с концепцией «баланса угроз» Уолта. Более того, стоит отметить отсутствие ясности в разграничении тяжёлого и лёгкого хеджирования. Кроме того, не понятно, в чём состоит отличие между тяжёлым хеджированием и не прямым балансированием? Может ли оно рассматриваться как один из элементов последнего? То же касается и лёгкого хеджирования. Наконец, возникают вопросы по поводу целесообразности использования категории «ограниченное примыкание» и отнесения его к категории хеджирования. По мнению Куика, под ней понимается политика, направленная на максимизацию политических и экономических выгод путём качественного укрепления партнёрских связей с великой державой без принятия подчинённого положения. Это определение оказывается расплывчатым, поскольку весьма проблематично провести различие между «ограниченным» и «чистым» балансированием.

В данном отношении среди стран Юго-Восточной Азии внешнеполитический курс Камбоджи в отношении КНР в наибольшей степени соответствует представлениям о чистом примыкании и, как следствие, статусу «младшего брата» в отношениях с более крупным партнёром. Китайская экономическая, гуманитарная и военнотехническая помощь привела к созданию лояльной политико-экономической клиентелы, превратив Пномпень в де-факто союзника Пекина в регионе. Лучшее подтверждение данного тезиса – официальная поддержка КНР по тайваньской проблеме, а также по вопросу территориальной принадлежности островов в Южно-Китайском

море (ЮКМ), что идёт вразрез с официальной позицией АСЕАН¹.

Более того, 2017 год ознаменовался дальнейшим смещением внешнеполитического фокуса Камбоджи в сторону Китая, что во многом обусловлено нарастанием противоречий между Пномпением и Вашингтоном. Катализатором нового конфликта стало решение камбоджийского суда распустить крупнейшую оппозиционную силу страны — «Партию национального спасения», за которым последовала критика со стороны США. Вашингтон ввёл визовые ограничения в отношении ряда государственных деятелей Камбоджи, а также пригрозил отказаться признавать легитимными парламентские выборы, которые состоятся 28 июля 2018 года². При этом сразу после начала внутриполитических потрясений в Камбодже Китай выступил с официальной поддержкой в адрес её руководства, пообещав «принять усилия по защите политической стабильности и достижению экономического развития страны»³. Разногласия между Пномпением и Вашингтоном возникали ещё ранее, в начале 2017 года: в частности, Камбоджа приняла решение приостановить ежегодные совместные военные учения с США⁴.

Стремление Камбоджи примкнуть к Китаю также продиктовано необходимостью сохранения суверенитета и территориальной целостности королевства в силу вовлечённости в пограничные конфликты с более мощными соседями, в первую очередь с Вьетнамом. С последним начиная с 2013 г. наблюдается рост двусторонних противоречий [Бектимирова 2015: 131]. С высокой долей вероятности можно пред-

положить, что в условиях неспособности асеаноцентричных площадок многостороннего сотрудничества снизить остроту территориальных конфликтов в обозримом будущем Пномпень ещё в большей степени будет рассматривать Пекин в качестве ключевого гаранта национальной безопасности.

Проводя сравнение опыта Камбоджи и внешнеполитической стратегии другой страны Юго-Восточной Азии — Вьетнама, можно выделить следующие особенности. Территориальный конфликт в ЮКМ вкуче с негативным историческим наследием (в том числе военный конфликт в 1970-х годах) выступают главными камнями преткновения в китайско-вьетнамских отношениях. Особенно остро противоречия начали проявляться со второй половины 2000-х годов, когда Китай активно стал наращивать своё влияние на спорных территориях [Tran et. al. 163–182]. Следствием усиления присутствия КНР стала резкая модернизация вьетнамского ВПК, в том числе размещение Ханоем военной техники на спорных островах, усиление антикитайской риторики, активизация военно-политического сотрудничества с США и участниками американоцентричной системы двусторонних договоров (системы «оси и спиц»). В августе 2017 г. прошла встреча глав оборонных ведомств Соединённых Штатов и Вьетнама. В ходе неё стороны подтвердили намерение развивать военнотехническое сотрудничество и отношения в сфере обороны. В частности, глава Пентагона Джеймс Мэттис подтвердил, что в 2018 г. авианосец ВМС США впервые зайдёт во вьетнамский порт⁵.

¹ Камбоджа заблокировала принятие совместного заявления стран АСЕАН // Ведомости. 24.07.2016 URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/07/24/650331-kambodzh-zablokirovala>

² Cochran L. US puts visa restriction on Cambodian officials amid rights crackdown, Australia urged to follow. ABC News, December 7, 2017. URL: <http://www.abc.net.au/news/2017-12-07/us-restricts-visas-for-cambodian-officials-undermining-democracy/9235960>

³ China supports Cambodia's crackdown on political opposition. Egypt Today, November 21, 2017. URL: <https://www.egypttoday.com/Article/2/33433/China-supports-Cambodia-s-crackdown-on-political-opposition>

⁴ Тарасенко П. США отказали Камбодже в поддержке. Коммерсант.ру, 17 ноября 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3469153>

⁵ США договорились о первом портовом визите своего авианосца во Вьетнам // ТАСС, 9 августа 2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4471077>

Таким образом, с точки зрения обеспечения региональной безопасности Вьетнам проводит политику прямого балансирования с целью сдерживания агрессивных намерений Пекина. Тем не менее он не намерен вступать в формальный союз с Вашингтоном или ослаблять взаимодействие с Китаем в хозяйственных вопросах. Пекин остаётся ключевым торговым партнёром Ханоя с показателем товарооборота 99 млрд долларов по итогам 2016 года, а также крупнейшим инвестором (19% совокупных накопленных инвестиций во Вьетнаме приходится на Китай)⁶.

Тесные экономические связи позволяют снижать накал двусторонних дипломатических противоречий [Le Hong 2013: 333–368]. Во многом в силу этого Китай избегает применения в отношении Вьетнама мер экономического давления (таких, как введение односторонних санкций, ограничение торговли различных видов товаров, повышение тарифных пошлин). Вместе с тем для предотвращения усиления финансовой и хозяйственной зависимости от Пекина Ханой активно стремится к диверсификации торгово-экономического сотрудничества с зарубежными странами (в частности, с США, Японией, Индией), а также интеграционными объединениями (ЕАЭС и ЕС, с которыми Ханой заключил соглашение о зонах свободной торговли в 2015 году).

По этой причине применительно к хозяйственной сфере политику Вьетнама можно охарактеризовать как «балансирование ради выгоды», что логически вписывается во внешнеполитический курс, утверждённый 12-м съездом правящей Коммунистической партии страны в январе 2016 года. Его основными характеристиками являются проведение независимой,

суверенной внешней политики при одновременной многовекторности и диверсификации международных экономических связей⁷.

З

Рост мощи Китая транслируется в расширение его экономического влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и укрепление военно-политического потенциала. Последнее отчётливо иллюстрируется стремительным развитием китайской инфраструктуры на оспариваемых территориях ЮКМ, включая порты, взлётно-посадочные полосы, системы связи и наблюдения, объекты логистики. Согласно докладу Министерства обороны США за 2016 год только в период 2013–2016 гг. Пекин построил искусственные острова на спорных территориях архипелага Спратли площадью более 3200 акров⁸. При этом активизация Китая в Южно-Китайском море совпала по времени с укреплением военно-политического сотрудничества между Малайзией и США [Урляпов 2014: 63]. Рубежным событием стало повышение статуса Куала-Лумпур (от наблюдателя до участника) в военных учениях *Cobra Gold* под руководством Соединённых Штатов в 2010 г. и его непосредственное участие в этих учениях в 2011 году [Rinehart 2015: 21].

Следуя неореалистской логике балансирования, рост военного присутствия КНР в ЮКМ должен был вынудить Малайзию рассматривать Китай в качестве угрозы и занять более жёсткую позицию. На деле наблюдается иная картина. Внешнеполитическую стратегию азиатского государства в отношении угроз национальной безопасности можно классифицировать как «институциональное балансирование». Оно предполагает, что государство балансирует

⁶ Worldwide Chinese Investments and Construction (2005-2017). China Global Investment Tracker. URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

⁷ Report of the Party's Xlth-tenure Central Committee. Viet Nam News, January 29, 2016. URL: <http://vietnamnews.vn/politics-laws/281839/report-of-the-partys-xith-tenure-central-committee.html#DA4Lmeuer3kw8Bp2.97>

⁸ Annual Report to Congress on Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2016. U.S. Department of Defense. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2016%20China%20Military%20Power%20Report.pdf>.

не против конкретного противника, а против традиционных и новых угроз безопасности, а также общего уровня неопределённости. Кроме того, при институциональном балансировании слабые государства эффективно используют свои внешнеполитические ресурсы, укрепляя сотрудничество в сфере обороны и безопасности с рядом ведущих мировых держав (путём проведения совместных военных учений, обмена разведанными, закупки вооружений). Наконец, данная стратегия подразумевает членство стран в институтах обеспечения региональной безопасности (организации, форумы, диалоговые площадки). В частности, Малайзия – постоянный участник таких структур, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), Восточноазиатский саммит (ВАС), Совещание министров обороны АСЕАН (СМО) и АСЕАН+8 (СМО+8).

На протяжении всей истории дипломатических отношений с Китаем (начиная с 1980-х годов) малайзийские лидеры неоднократно подчёркивали, что рассматривают Пекин не как угрозу, а как ценный актив, необходимый их стране для раскрытия её растущего экономического потенциала⁹. Более того, в 2010-х годах наблюдается тенденция углубления военно-политического диалога с КНР. Знаменательным событием в данном направлении стало проведение первых совместных учений в 2014 году, приуроченных к 40-летию установления дипломатических отношений между двумя странами¹⁰. Вторым важным событием стало проведение в 2015 г. совместных военных учений с участием более 1 тыс. военнослужащих Народно-освобо-

дительной армии (НОАК) КНР¹¹. «Мир и дружба 2015» стали не только первыми двусторонними манёврами в Малаккском проливе, но и крупнейшими совместными учениями Китая и представителя АСЕАН. Наконец, ключевой движущей силой сотрудничества в сфере обороны и безопасности стало подписание в ходе визита Наджиба Разака в Пекин в 2016 г. беспрецедентного соглашения, которое обязывает обе стороны сотрудничать на спорных территориях в ЮКМ¹².

Укреплению военно-политического сотрудничества между Малайзией и Китаем в среднесрочной перспективе будет способствовать рост влияния радикальных исламистов в Юго-Восточной Азии. Наряду с ИГИЛ (запрещённая на территории России организация) большую угрозу для стран региона (в первую очередь Малайзии, Индонезии и Филиппин) представляет ряд группировок радикального толка – «Джемаа Исламия», «Ансар аль-Халифа», «Муджахидин Индонезия Тимур» и другие¹³. Кроме того, ещё одним вызовом национальной безопасности Малайзии служат растущие риски террористических атак в Мьянме, катализатором которых стал конфликт между бирманскими буддистами и мусульманами-рохинджа. Куала-Лумпур неоднократно заявлял, что обострение этого противостояния приведёт к росту радикализации во всем регионе¹⁴.

Для Малайзии, где большинство населения (более 60%) исповедует ислам, данный вызов имеет высокий ранг значимости, особенно в контексте миграции религиозных радикалов из Сирии и Ирака в Юго-

⁹ China not threat to any nation: Malaysia PM. People's Daily Online, November 2, 2010. URL: <http://en.people.cn/90001/90776/90883/7185713.html>

¹⁰ Китай и Малайзия начали первые в истории совместные учения. Росбалт, 23 декабря 2014. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/12/23/1351445.html>

¹¹ Китай и Малайзия завершили морскую часть первых совместных маневров // ТАСС, 21 сентября 2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2277096>

¹² Китай и Малайзия подписали соглашение о военно-морском сотрудничестве // РИА Новости, 1 ноября 2016. URL: <https://ria.ru/world/20161101/1480480983.html>

¹³ Заглянуть в будущее: сценарий для Азии и России в Азии до 2037 года. Валдай. Международный дискуссионный клуб. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/18485/>

¹⁴ Smith N. Malaysia warns Rohingya crisis could lead to Isil attacks in Burma. The Telegraph News, September 12, 2017. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/12/malaysia-warns-rohingya-crisis-could-lead-isil-attacks-burma/>

Восточную Азию¹⁵. Как следствие, ещё в 2015 г. руководство страны приняло новый закон о противодействии терроризму¹⁶, ужесточающий меры наказания в отношении подозреваемых, а также создало специализированное агентство по борьбе с экстремизмом, важное место в деятельности которого занимает налаживание контакта с молодёжью посредством социальных сетей¹⁷. Параллельно Малайзия стремится объединить усилия со странами АСЕАН по борьбе с ИГИЛ, в частности путём патрулирования морского и воздушного пространства совместно с Индонезией и Филиппинами¹⁸.

Учитывая растущий уровень угроз национальной безопасности, Малайзия стремится заручиться поддержкой более крупных региональных игроков с целью противодействия внешним вызовам. В этой связи Китай начинает играть более важную роль в антитеррористической политике Куала-Лумпура. Подтверждением служит достигнутое в январе 2017 г. соглашение о борьбе с транснациональными преступлениями¹⁹ и предоставление китайских технологий для совершенствования деятельности Регионального цифрового центра по противодействию пропаганде в социальных сетях, базирующегося в Куала-Лумпуре²⁰. Кроме того, Малайзия закупила четыре

китайских патрульных корабля проекта LMS68, предназначенных для проведения антитеррористических операций²¹.

Утверждение об отказе Куала-Лумпура от политики прямого балансирования также подтверждается результатами социологических опросов. В частности, согласно опросу, проведённому *Pew Research Center* в 2014 году, большая часть малайцев (27%) назвала Китай ключевым союзником, в то время как США рассматривались как основная угроза (26%)²². Более того, по данным обследования, проведённого малайзийским Merdeka Centre в 2015 году, 70% населения Малайзии положительно оценивали китайское торгово-экономическое и инвестиционное присутствие в стране. Помимо этого, 78% респондентов высказали мнение, что Пекин оказал положительное влияние на Малайзию, что делает её самой прокитайской страной в мире наряду с Пакистаном²³.

Среди ключевых причин, способствующих тесному военно-политическому сотрудничеству, можно назвать экономический прагматизм Куала-Лумпура и стремление представителей политического истеблишмента Малайзии легитимизировать власть путём укрепления сотрудничества с великой державой. Китай выступает основным торговым партнёром Малайзии.

¹⁵ Malaysia a 'dumping ground' for deported ISIS fighters. The Straits Times, May 17, 2017. URL: <http://www.straitstimes.com/asia/se-asia/malaysia-a-dumping-ground-for-deported-isis-fighters>

¹⁶ Malaysia passes controversial anti-terror bill. BBC News, April 7, 2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-32194636>

¹⁷ Малайзия учредила специальное ведомство по борьбе с ИГИЛ // Ансар, 20 апреля 2015. URL: <http://www.ansar.ru/sobcor/malajziya-uchredila-specialnoe-vedomstvo-po-borbe-s-igil>

¹⁸ Endo J. Philippines, Indonesia, Malaysia team up in terror fight. Nikkei Asian Review, June 8, 2017. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Philippines-Indonesia-Malaysia-team-up-in-terror-fight>

¹⁹ Malaysia, China reach agreement on tackling crime, terrorism. The Jakarta Post, January 12, 2017. URL: <http://www.thejakartapost.com/seasia/2017/01/12/malaysia-china-reach-agreement-on-tackling-crime-terrorism.html>

²⁰ KL counter-terrorism centre to be expanded with China's help // Today Online, January 13, 2017. URL: <http://www.todayonline.com/world/asia/kl-counter-terrorism-centre-be-expanded-chinas-help>

²¹ Alard T., Sipalan J. Malaysia to buy navy vessels from China blow to U.S. Reuters, October 28, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-malaysia-china-defence/malaysia-to-buy-navy-vessels-from-china-in-blow-to-u-s-idUSKCN12S0WA>

²² Chapter 4: How Asians View Each Other. Pew Research Centre, July 14, 2014. URL: <http://www.pewglobal.org/2014/07/14/chapter-4-how-asians-view-each-other/>

²³ Rahim R. Majority of Malaysians welcome China's presence here. The Star Online, April 23, 2017. URL: <http://www.thestar.com.my/news/nation/2017/04/23/majority-of-malaysians-welcome-chinas-presence-here/>

Согласно данным Национального агентства содействия торговле Малайзии, по итогам 2017 года объём двусторонней торговли составил 75 млрд долларов, увеличившись в 1,5 раза по сравнению с 2010 годом²⁴. Кроме того, по состоянию на 2017 г. Пекин остаётся вторым (после Сингапура) крупнейшим импортёром малайзийской продукции (13,5% от всего экспорта страны), а также ключевым экспортным партнёром Малайзии (19,6% от общего объёма её импорта приходится на КНР)²⁵.

Важную роль играет и высокий уровень политических связей между лидерами двух стран. Во время официального визита китайского лидера Си Цзиньпина в Куала-Лумпур в 2013 г. было принято решение о повышении статуса сотрудничества до «всесторонних отношений стратегического партнёрства». Визит бывшего премьер-министра Малайзии Наджиба Разака в Пекин в октябре 2016 г. закончился подписанием 14 соглашений на сумму 34 млрд долларов, затрагивающих такие сферы, как финансирование, торговля, взаимные инвестиции и оборонное сотрудничество²⁶. Эти документы стали не только крупнейшими за всю историю зарубежных поездок официальных лиц Малайзии, но и ознаменовали дальнейшее сближение между сторонами.

Внешняя политика Куала-Лумпура характеризуется существенной преемственностью. Все администрации, начиная с команды первого премьер-министра Абдула Рахмана (1957–1970), следовали курсу укрепления сотрудничества с Китаем, что отличает Малайзию от других стран региона, прежде всего Филиппин и Вьетнама [Урляпов 2015: 138; Омаг 2006: 15]. В этих условиях не вызывает удивления то, что Куала-Лумпур поддерживает Пекин по наиболее значимым для него международ-

ным вопросам, в том числе по проблеме ЮКМ и членству в международных организациях и диалоговых площадках.

4

Дополнительной теоретической проработки заслуживает участие слабых стран в многосторонних экономических инициативах. Стратегия Малайзии в этом направлении может быть охарактеризована как опережающее экономическое вовлечение. Данная концепция отличается от моделей, предложенных Куиком («ограниченное примыкание») [Kuik 2008: 26] и А.С. Скрибой («интеграционное примыкание») [Скриба 2014: 13]. *Во-первых*, как уже было отмечено, примыкание означает принятие пассивной позиции и тем самым ограничивает внешнеполитический манёвр субъекта. Опережающее экономическое вовлечение, напротив, предполагает сохранение широкого спектра возможностей, а также увеличение присутствия страны в ключевых геоэкономических проектах. Данная стратегия логически вписывается в концепцию «открытого регионализма», которая, по мнению некоторых авторов, в частности Н. Веремеева, означает процесс экономической либерализации государствами отдельно взятого региона, выгоды от которого распространяются и на внерегиональных игроков, вовлечённых в торгово-экономическую деятельность со странами региона [Веремеев 2016: 97].

В случае с Малайзией данный тезис подтверждается её участием в переговорах по формированию региональных интеграционных объединений и инициатив многостороннего экономического регионализма. В частности, она вовлечена в построение Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства (ВРЭП) и реализацию

²⁴ Malaysia-China Bilateral Trade Up 20.6 pct in 2017. The Official Portal of Malaysia External Trade Development Corporation. URL: <http://www.matrade.gov.my/en/about-matrade/media/news-clippings/4204-malaysia-china-bilateral-trade-up-20-6-pct-in-2017>

²⁵ Top Malaysia Exports. World's Richest Countries. URL: https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/fields/print_2050.html.

²⁶ M'sia-China sign historic 14 agreements worth RM144b. Free Malaysia Today, November 1, 2016. URL: <http://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2016/11/01/msia-china-sign-historic-14-agreements-worth-rm144b/>

«Всестороннего, прогрессивного Транстихоокеанского партнерства» (обновлённый вариант Транстихоокеанского партнёрства без участия США). Помимо этого, несмотря на приостановление трёх проектов, Малайзия по-прежнему участвует в китайской инициативе «Одного пояса и одного пути», а также выказывает заинтересованность в формирующемся в настоящее время Большом евразийском партнёрстве (предполагающем увязку экономических интересов АСЕАН—ШОС—ЕАЭС).

Таким образом, несмотря на позиционирование Китая в качестве ключевого партнёра, Куала-Лумпур не намерен замыкаться исключительно на предложения Пекина и стремится максимально диверсифицировать свою внешнеэкономическую деятельность. Кроме того, опережающее экономическое вовлечение предполагает, что страна занимает активную позицию в торгово-экономических инициативах и может играть роль неформального лидера. Яркий пример — многочисленные (и притом небезуспешные) попытки Малайзии оказать дипломатическое давление на Индию и других участников в ходе переговоров по ВРЭП с целью скорейшего подписания соглашения²⁷. Более того, формально именно за АСЕАН закреплена центральная роль в заключении этого партнёрства и в целом в развитии экономической архитектуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наконец, опережающее экономическое вовлечение не предусматривает создания наднациональных органов и, как следствие, делегирования полномочий государств, как это происходит в ЕС. Такого рода стратегия отражает ориентацию средних стран на менее обязывающие формы взаимодействия.

Обращает на себя внимание и развитая институциональная база, которая также служит экономическому сближению между

Малайзией и Китаем. Среди институтов, которые оказывают позитивное влияние на углубление стратегического партнёрства, следует отметить двусторонний деловой совет, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, межправительственные комиссии по вопросам экономического сотрудничества, торговое представительство Малайзии в Китае и Китая в Малайзии, Совет сотрудничества китайско-малайзийских промышленных парков в Циньчжоу и Куантан, Малайзийско-китайский экономический саммит, Малайзийско-китайскую торгово-промышленную палату, совместные банки, а также Малайзийский деловой совет Шёлкового пути, созданный в 2017 году²⁸.

Несмотря на позитивную динамику в отношениях между странами, в обозримом будущем существует по меньшей мере два основных фактора, которые могут поспособствовать ослаблению двусторонних связей.

Во-первых, речь идёт о новом приходе на пост премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамата, который известен своим скептическим отношением к китайским финансовым вливаниям в малайзийскую экономику. Ещё до возвращения в большую политику он неоднократно заявлял о своих планах пересмотреть крупнейшие инвестиционные проекты с участием Пекина, в особенности в рамках инициативы «Пояса и Пути».

В итоге, придя к власти в 2018 г. во главе оппозиционного альянса «Надежда», Махатхир Мохамат сдержал свои предвыборные обещания. Например, в июне 2018 г. Малайзия вышла из трех совместных проектов на общую сумму более 22 млрд долларов. Главным из них являлся проект по строительству высокоскоростной железнодорожной магистрали, соединяющей Куала-Лумпур и Сингапур, стоимостью 20 млрд

²⁷ Roche E. Malaysian PM Najib Razak pushes for conclusion of trade deal. Livemint, April 4, 2017. URL: <http://www.livemint.com/Politics/LgZKrq2RC8OVfKZNbnDyl/India-Malaysia-set-to-sign-15-business-pacts-today.html>

²⁸ Daily S.C. Why clear for setup of Malaysia Silk Road Business Council. The Nation, March 28, 2017. URL: <http://www.nationmultimedia.com/news/business/aec/30310454>

долларов²⁹. Не исключено, что в дальнейшем ряд других многомиллионных совместных проектов также окажутся под угрозой отмены, что неизбежно скажется на планах КНР по дальнейшему финансовому проникновению в Юго-Восточную Азию.

Во-вторых, разногласия с Пекином может вызвать политика позитивной дискриминации, проводимая Куала-Лумпуром. Она предполагает активную государственную поддержку крупнейшей этнической группы страны, Бумипутры, составляющей 68,8% от совокупного населения Малайзии³⁰. В частности, на предоставление ей преференций направлены национальные программы «Дорожная карта экономической трансформации Бумипутра» и «Расширение экономических возможностей Бумипутра», а также «Дорожная карта экономической трансформации Бумипутра 2.0», запущенные в 2011, 2013 и 2017 годах соответственно³¹.

Остальные этнические группы, и прежде всего китайцы, которые составляют 23,2% населения страны, сталкиваются с ограничениями социально-экономического характера. При этом за последнее десятилетие данная проблема актуализировалась, что подтверждается национальными статистическими данными. По информации Министерства внутренних дел Малайзии, из 56 576 малайзийцев, отказавшихся от своего гражданства в 2006–2016 годах, 49 864 были этническими китайцами³². Согласно прогнозам Департамента статистики страны доля этнических китайцев, проживающих в Малайзии, продолжит со-

кращаться и к 2040 г. составит 20%, в то время как доля Бумипутры, напротив, будет расти и составит 72,1%³³.

Среди причин, послуживших сокращению китайского населения в Малайзии, выделяются боязнь растущей исламизации страны в результате роста мусульманского населения и дискриминация, в том числе на религиозной почве [Ananthi Al Ramiah 2017]. По данным проведенного опроса, 65,2% китайцев, проживающих в Малайзии, сталкивались с данной проблемой. Кроме того, у них наблюдаются трудности в получении высшего образования и дальнейшего трудоустройства. Для китайской диаспоры также характерно общее недовольство проводимой экономической политикой — лишь 7,2% этнических китайцев её поддерживают. В этой связи не вызывает удивления тот факт, что почти 50% опрошенных представителей этого меньшинства выражают сильное желание покинуть Малайзию³⁴.

Вопреки вышесказанному, приостановление двусторонних экономических проектов, равно как и этнический вопрос, не оказывает негативного влияния на тональность двусторонних отношений. Помимо высокого уровня политических, а также по-прежнему торгово-экономических связей, об этом свидетельствует отсутствие критики со стороны китайского политического истеблишмента в адрес малайзийского руководства по вопросу позитивной дискриминации доминирующего этноса, а также экономической политики Мохамада.

Более того, приостановление ряда совместных проектов в рамках китайской ини-

²⁹ China's 'Belt and Road' plan hits a roadblock in Malaysia. Inkstone, July 5, 2018. URL: <https://www.inkstonenews.com/politics/malaysia-suspends-china-backed-belt-and-road-projects/article/2153926>

³⁰ Press release. Current population estimates, Malaysia, 2016-2017. Department of Statistics Malaysia, July 14, 2017. URL: <https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/pdfPrev&id=a1d1UTFZazd5ajJiRWFHNDduOXFFQT09>

³¹ Bumiputera economic transformation roadmap 2.0. Unit Peneraju Agenda Bumiputera. URL: www.teraju.gov.my/reports/BETR2.pdf

³² Government data shows fewer ethnic Chinese in 2017. The Malaymail Online, July 15, 2017. URL: <http://www.themalaymailonline.com/malaysia/article/government-data-shows-fewer-ethnic-chinese-in-2017#ZelFitfhD60emB7.97>

³³ Press release. Population projection (revised), Malaysia, 2010-2040. Department of Statistics Malaysia, November 4, 2016. URL: <https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/pdfPrev&id=Y3kwU2tSNVFDOWp1YmtZYnhUeVBEzD09>

³⁴ Ibid.

циативы «Одного пояса и одного пути» не стоит воспринимать как изменение внешнеполитической стратегии Куала-Лумпура и стремление ослабить двусторонние связи с Пекином. Напротив, подобные манёвры со стороны правящей партии чётко вписываются в традиционный внешнеполитический курс Малайзии, основными элементами которого являются сохранение дипломатической гибкости и манёвра, укрепление отношений с рядом крупных держав, недопустимость попадания в одностороннюю зависимость от более сильного государства.

Тем не менее, принимая во внимание значительную роль китайской диаспоры в Малайзии, что отчётливо показали прошедшие в 2018 г. выборы, дальнейший рост недовольства со стороны этнических китайцев может привести к сокращению поддержки в отношении руководства страны [Погадаев 2013: 14].

На протяжении многих десятилетий успешность малайзийской правящей элиты традиционно зависела от того, в какой степени Куала-Лумпур способен максимизировать выгоды от сотрудничества с крупными державами, сохраняя при этом дипломатический манёвр и отстаивая тем самым национальный суверенитет. В этом отношении в долгосрочной перспективе усиление вертикали власти правящей партии будет сопровождаться стремлением страны проводить гибкую и умеренную внешнюю политику, избегая открыто враждебных действий в отношении ведущих центров силы на международной арене.

* * *

Анализ внешнеполитических стратегий средних стран в отношении великих держав на примере государств Юго-Восточной Азии демонстрирует, что противопоставление чистых стратегий балансирования и примыкания недостаточно для концептуализации особенностей реального поведения игроков на мировой арене. Чистое балансирование является рискованной и неэффективной стратегией, поскольку в значительной степени ограничивает возможность дипломатического манёвра. То же касается и

чистого примыкания. Страны, ограниченные в своих возможностях, вынуждены выстраивать кооперативные отношения с более мощными соседями с целью получения стратегических выгод. Тем не менее в долгосрочной перспективе односторонняя зависимость от них приводит к снижению возможностей модернизировать национальное хозяйство, поставив крест на попытках младшего партнёра проводить независимую внешнеэкономическую и внешнеполитическую деятельность. Между тем предлагаемая в качестве альтернативного описания стратегии малых и средних стран концепция хеджирования остаётся недостаточно теоретически проработанной.

В связи с этим автором настоящей статьи было предложено собственное объяснение поведения такого рода стран на мировой арене, основанное на стремлении обеспечить национальную безопасность от внешних угроз и желании максимизировать стратегические выгоды (прежде всего экономические) от сотрудничества с более крупными державами. На решение первой задачи направлена политика институционального балансирования, делающая акцент на развитии нормативной базы сотрудничества в сфере обороны и безопасности и поддержание тесных военно-политических связей со многими странами (в том числе с потенциальным источником угрозы). Стремление к максимизации прибыли наиболее эффективно реализуется посредством участия государства в мегарегиональных торгово-экономических инициативах, не являющихся интеграционными в полном смысле этого слова. Для обозначения данного явления может использоваться концепт «опережающего экономического вовлечения» как более гибкая и менее обязывающая форма взаимодействия.

Параллельное использование малым и средним государством стратегий балансирования и примыкания в отношении великой державы возможно только в том случае, если они воспринимаются не как взаимоисключающие, а, наоборот, взаимодополняющие внешнеполитические меры. Кроме того, необходим поиск конкретных форм,

обеспечивающих их успешное совмещение. В рассмотренном случае Малайзии это – институциональное балансирование против внешних угроз и общих неопределённостей и взаимовыгодное вовлечение в многосторонние экономические инициативы без жёсткой иерархической структуры.

Эмпирическая часть исследования позволила оспорить утверждение представителей структурного реализма о том, что географическая близость мощного соседа

вкупе с его совокупными возможностями вынудит более слабое государство балансировать путём вступления в альянс либо примкнуть к источнику угрозы, чтобы не стать объектом нападения. Малайзия, играя скромную роль в мировых геэкономических и геополитических процессах, стремится избежать конфликта с ведущими державами, дабы не ставить под угрозы потенциальные выгоды, которые она может получить от сотрудничества с ними.

Список литературы

- Бектимирова Н.Н.* Традиционные факторы во внешней политике Камбоджи на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 26. С. 114–137.
- Веремеев Н.* Торгово-экономическая конкуренция на Тихом океане // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2. С. 95–111.
- Погадаев В.А.* Малайзийская оппозиция в борьбе за независимость страны и социальный прогресс (1940–1970-е годы). М.: Ключ-С., 2014. 160 с.
- Скриба А.С.* Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 4. С. 88–100.
- Урляпов В.Ф.* Современный этап в развитии малайзийско-китайских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 22. С. 62–66.
- Урляпов В.Ф.* Внешняя политика Малайзии от Махатхира Мохамеда до Наджиба Разака / Отв. ред. Д.В. Мосяков. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 284 с.
- Ananthi Al Ramiah, Hewstone M., Ralf Wolfer.* Attitudes and Ethnoreligious Integration: Meeting the Challenge and Maximizing the Promise of Multicultural Malaysia. Final report: Survey and recommendations Presented to the Board of Trustees, CIMB Foundation, 2017. URL: https://www.cimbfoundation.com/clients/CIMB_Foundation_D894EB94-B114-4E11-8175-EB426BB876F0/contentms/img/pdf/attitudes-and-%20ethnoreligious-integration-survey-and-recommendations.pdf
- Chen I., Yang A.* A harmonized Southeast Asia? Explanatory typologies of ASEAN countries' strategies to the rise of China // The Pacific Review. 2013. Vol. 26. No. 3. P. 265–288.
- Dobkowska J.* Hedging China? The Meaning of the ASEAN Member States' Interests in Forging their Policies Towards China // Contemporary Asian Studies Series. 2014. P. 237–254.
- Goh E.* Meeting the China challenge: The US in Southeast Asian regional security strategies // Policy Studies. 2005. No. 16. P. 1–82.
- Kang D.C.* Hierarchy, balancing, and empirical puzzles in Asian international relations // International Security. 2006. Vol. 28. No. 3. P. 165–180.
- Kang D.C.* China rising: peace, power, and order in East Asia. Columbia: Columbia University Press, 2007. 296 p.
- Kuik C.C.* The essence of hedging: Malaysia and Singapore's response to a rising China // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs. 2008. Vol. 30. No. 2. P. 159–185.
- Kuik C.C.* Smaller States' Alignment Choices: A Comparative Study of Malaysia and Singapore's Hedging Behavior in the Face of a Rising China. Johns Hopkins University. 2010. 391 p.
- Le Hong H.* Vietnam's Hedging Strategy against China since Normalization // Contemporary Southeast Asia. 2013. P. 333–368.
- Murphy A.M.* Beyond balancing and bandwagoning: Thailand's response to China's rise // Asian Security. 2010. Vol. 6. No. 1. P. 1–27.
- Omar R.* China dan kuasa hegemoni baru ekonomi // International Journal of Management Studies (IJMS). 2016. Vol. 14. No. 1. P. 1–38.
- Omar R., Mukhtaruddin M.J.* Dasar Luar Malaysia Era Dato'Seri Mohd Najib Tun Razak: Keutamaan Dalam Aspek Hubungan Dua Hala. Institute of Tun Dr. Mahathir Mohamad's Thoughts, University Utara Malaysia, 2010. P. 173–194.
- Ping J.H.* Middle Power Statecraft: Indonesia, Malaysia and the Asia-Pacific. Oxon: Routledge. 2017. 282 p.
- Rinehart I.* Malaysia: Background and US Relations. Congressional Research Service Report. 2015. 21 p. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43505.pdf>

- Ross R.S.* Balance of power politics and the rise of China: Accommodation and balancing in East Asia // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. No. 3. P. 355–395.
- Schweller R.L.* Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 72–107.
- Tran P.T., Vieira A.V.G., Ferreira-Pereira L.C.* Vietnam's strategic hedging vis-à-vis China: the roles of the European Union and Russia // *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2013. Vol. 56. No. 1. P. 163–182.
- Walt S.M.* Alliance formation and the balance of world power // *International security*. 1985. Vol. 9. No. 4. P. 3–43.
- Walt S.M.* The origins of alliance. New York: Cornell University Press, 1987. 336 p.
- Waltz K.N.* Theory of international politics. New York: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
- Zhao S., Qi X.* Hedging and Geostrategic Balance of East Asian Countries toward China // *Journal of Contemporary China*. 2016. Vol. 25. No. 100. P. 485–499.

STRATEGIES OF MIDDLE-SIZED COUNTRIES VIS-A-VIS GREAT POWERS

CASES FROM SOUTH-EAST ASIA

ALEXANDER KOROLEV

National Research University – Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

Analysis of foreign policies of middle and great powers has traditionally been considered one of the key problems of International Relations. The period after the end of the Cold War is characterized by the formation of a new political and economic architecture, the emergence of new centers of power, the aspiration of non-Western players to challenge American domination by forming an independent growth pole that excludes hegemonism, asymmetric dependence, sanctions and any other forms of "economic war" as foreign policy tools. The non-linearity and randomness of these processes makes the problem of studying foreign policy strategies as a response to the global challenges of the modern world order relevant to an even greater degree. The current article analyzes the peculiarities of the foreign policy strategies of middle powers towards the great powers (the U.S. and China) using examples of South East Asian nations and Malaysia in particular. It reveals the conceptual features and theoretical limitations of the main strategic patterns identified by structural and neoclassical realism – balancing, bandwagoning and hedging. Using the case of Malaysia as a basis, the paper highlights the main factors that influence the elaboration of foreign policy towards the great powers by middle power in terms of ensuring national security and maximizing economic benefits. The article argues that economic pragmatism, a strong institutional framework for bilateral cooperation, and the desire of the Malaysian ruling elite to strengthen its positions lead to Kuala Lumpur's rejection of the balancing policy against Beijing, despite the existence of a territorial dispute with China, the growth of Chinese ambitions and close military-political cooperation between Malaysia and the U.S. Therefore, this article challenges Stephen Walt's neorealist approach, showing that the geographical proximity of a weaker state with a powerhouse may rather become a valuable asset than a source of threat. Finally, the article attempts to construct a new typology of foreign policy strategies of middle powers, building upon the tools introduced by Neoclassical Realism.

Keywords:

middle powers; great powers; Malaysia; USA; China; balancing; bandwagoning; hedging; regionalism; advanced economic engagement.

References

- Ananthi Al Ramiah, Hewstone M., Ralf Wolfer. (2017). *Attitudes and Ethnoreligious Integration: Meeting the Challenge and Maximizing the Promise of Multicultural Malaysia. Final report: Survey and recommendations*. Presented to the Board of Trustees, CIMB Foundation. URL: https://www.cimbfoundation.com/clients/CIMB_Foundation_D894EB94-B114-4E11-8175-EB426BB876F0/contentms/img/pdf/attitudes-and-%20ethnoreligious-integration-survey-and-recommendations.pdf
- Bektimirova N.N. (2015). Traditsionnyye factory vo vneshney politike Kambodzhi na sovremennom etape [Traditional factors in the foreign policy of Cambodia at the current stage]. *Yugo-Vostochnaya Azia: Actualnyye problemy razvitiya*. No. 26. P. 114–137.
- Chen I., Yang A. (2013). A harmonized Southeast Asia? Explanatory typologies of ASEAN countries' strategies to the rise of China. *The Pacific Review*. Vol. 26. No. 3. P. 265–288.
- Dobkowska J. (2014). Hedging China? The Meaning of the ASEAN Member States' Interests in Forging their Policies Towards China. *Contemporary Asian Studies Series*. P. 237–254.
- Goh E. (2005). Meeting the China challenge: The US in Southeast Asian regional security strategies. *Policy Studies*. No. 16. P. 1–82.
- Kang D.C. (2006). Hierarchy, balancing, and empirical puzzles in Asian international relations. *International Security*. Vol. 28. No. 3. P. 165–180.
- Kang D.C. (2007). *China rising: peace, power, and order in East Asia*. Columbia: Columbia University Press. 296 p.
- Kuik C. C. (2008). The essence of hedging: Malaysia and Singapore's response to a rising China. *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. Vol. 30. No. 2. P. 159–185.
- Kuik C.C. (2010). *Smaller States' Alignment Choices: A Comparative Study of Malaysia and Singapore's Hedging Behavior in the Face of a Rising China*. Johns Hopkins University. 391 p.
- Le Hong H. (2013). Vietnam's Hedging Strategy against China since Normalization. *Contemporary Southeast Asia*. P. 333–368.
- Murphy A.M. (2010). Beyond balancing and bandwagoning: Thailand's response to China's rise. *Asian Security*. Vol. 6. No. 1. P. 1–27.
- Omar R., Mukhtaruddin M. J. (2010). *Dasar Luar Malaysia Era Dato'Seri Mohd Najib Tun Razak: Keutamaan Dalam Aspek Hubungan Dua Hala* [Malaysian Foreign Policy Era under Mohd Najib Tun Razak: Priority of Bilateral Relations] Institute of Tun Dr. Mahathir Mohamad's Thoughts, University Utara Malaysia. P. 173–194.
- Omar R. (2016). China dan kuasa hegemoni baru ekonomi [China and the new economic hegemon]. *International Journal of Management Studies (IJMS)*. Vol. 14. No. 1. P. 1–38.
- Ping J. H. (2017). *Middle Power Statecraft: Indonesia, Malaysia and the Asia-Pacific*. Oxon: Routledge. 282 p.
- Pogadaev V.A. (2014). *Malaysiyskaya oppositsiya v borbe za nezavisimost strany I sotsialnyy progress (1940–1970-ye gody)* [The Malaysian opposition in the struggle for independence of the country and social progress (1940–1970s)]. Moscow: Klyuch-S. 160 p.
- Rinehart I. (2015). Malaysia: Background and US Relations. Congressional Research Service Report. 21 p. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43505.pdf>
- Ross. R.S. (2006). Balance of power politics and the rise of China: Accommodation and balancing in East Asia. *Security Studies*. Vol. 15. No. 3. P. 355–395.
- Schweller R. L. (1994). Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in. *International Security*. Vol. 19. No. 1. P. 72–107.
- Skriba A. (2014). Balansirovanie malyh i srednih gosudarstv [The Balancing of Small and Medium-Sized Nations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol.12. No. 4. P. 88–100.
- Tran P. T., Vieira A. V. G., Ferreira-Pereira L. C. (2013). Vietnam's strategic hedging vis-à-vis China: the roles of the European Union and Russia. *Revista Brasileira de Política Internacional*. Vol. 56. No. 1. P. 163–182.
- Urlyapov V.F. (2014). Sovremennyy etap v razvitii malayzisko-kitayskikh otnosheniy. [The current stage in the development of Malaysian-Chinese relations]. *Yugo-Vostochnaya Azia: Actualnyye problemy razvitiya*. No. 22. P. 62–66.
- Urlyapov V.F. (2015). *Vneshnyaya politika Malajzii ot Makhatkhira Mokhamada do Nabzhiba Razaka* [The foreign policy of Malaysia from Mahathir Mohamad to Nabzhib Razak] / ed. by D.V. Mosyakov. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN. 284 p.
- Veremeev N. (2016). Torgovo-jekonomicheskaja konkurencija na Tihom okeane [Asia-Pacific in Times of Competitive Regionalism]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol.14. No. 2. P. 95–111.
- Walt S. M. (1985). Alliance formation and the balance of world power. *International security*. Vol. 9. No. 4. P. 3–43.
- Walt S. M. (1987). *The origins of alliance*. N.Y.: Cornell University Press. 336 p.
- Waltz K. N. (1979). *Theory of international politics*. N.Y.: McGraw-Hill. 251 p.
- Zhao S., Qi X. (2016). Hedging and Geostrategic Balance of East Asian Countries toward China. *Journal of Contemporary China*. Vol. 25. No. 100. P. 485–499.